

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ОСОБАЯ ПРИМЕТА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Сухов, Евгений.

С91 Особая примета / Евгений Сухов. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-225204-4

1948 год. В поселке под Казанью задушена бельевой веревкой женщина-сторож продовольственного склада. Задержанные по горячим следам подозреваемые после тщательной проверки оказываются непричастными к делу. Вскоре происходит второе похожее убийство: и снова убита женщина, и орудие преступления — веревка... Майор Виталий Щелкунов замечает на месте преступления небольшой круглый след. Очень похоже, что убийца ходит с тростью. Сыщики воспряли духом — хромого душегуба искать намного легче! Однако восторг оперативников вскоре остудили показания очередной жертвы, чудом спасшейся из лап маньяка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225204-4

© Сухов Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

КОГДА ПЛАЧЕТ РЕБЕНОК — ЭТО ВСЕГДА ПЛОХО

Конец ноября больше напоминал настоящую зиму, нежели позднюю осень. В самом городе снега намело целые сугробы; на широких тротуарах были проложены узкие тропинки, а водителям автомобилей приходилось проявлять недюжинное мастерство, чтобы разъехаться со встречным транспортом: заходя прижиматься вплотную к бордюрам, порой останавливаться и пропускать встречные машины. Так было в городе. А в городском поселке Караваяево, несмотря на то что в нем расположены два крупнейших завода Казани — авиационный и моторостроительный, — после обильного снегопада какое-то время вообще было ни пройти, ни проехать. Снегоуборочная техника не справлялась с бедствием — сумела

расчистить лишь узкие полоски на федеральных трассах, необходимые для жизнеобеспечения города и для полноценного функционирования военных предприятий.

Снежная история повторялась едва ли не каждый год, к катаклизмам жители давно привыкли, сумели даже приноровиться, а потому особенно на них не сетовали.

Степан Григорьевич Милютин, человек возраста уже пенсионного, но все еще крепкий, возвращался из гостей, будучи в крепком подпитии. Нагрязнула тьма, зародив свет и звуки: где-то у частных строений вспыхнуло пламя свечи, раздался женский смех. Дорога, которую он в обычные дни проходил безо всяких трудностей, на этот раз показалась ему полосой с препятствиями: без конца поскользывался и падал, его то и дело сносило с узкой тропы куда-то вбок, а тут еще и ухабы! Проваливаясь в снег едва ли не по колено, Милютин, зачерпывая снег в ботинки (чего он, собственно, совсем не замечал), чертыхался, потом брал себя в руки, выбирался на тропу и продолжал нелегкий путь, стараясь держаться при этом как можно ровнее. Проходя мимо одноэтажного здания продуктового склада отдела рабочего снабжения, обслуживающего две столовые моторостроительного «Завода № 16», овощную лавку, два ларька и один

продуктовый магазин, Степан Григорьевич услышал вдалеке детский горький плач, неприятно резанувший его слух. Милютин удивленно огляделся — поблизости нигде жилых домов не наблюдалось, и вообще местность во всякое время года оставалась малолюдной — и решил, что ему просто померещилось: мало ли что может почудиться спяну.

Невесело хмыкнув, Степан Григорьевич поплелся дальше, но плач неожиданно повторился. Теперь ребенок рыдал безостановочно, буквально захлебываясь слезами, — вряд ли этот плач был вызван винными парами, кружившими голову мужчины. Похоже, что где-то на территории склада действительно находился плачущий ребенок. Прислушавшись, Милютин понял, что плач доносился откуда-то из-за высокой желтой стены здания продовольственного склада ОРСа. Вот только невозможно было определить, откуда именно он раздавался: со двора или все-таки откуда-то из помещения. Он повертел головой. В осеннем небе вдруг затлели звезды, они то вдруг неожиданно вспыхивали, а то вновь, заслоненные перистыми облаками, начинали гаснуть. Покрытое темными пятнами, на запад уходило красноликое солнце.

Если ребенок находился на улице, то не было никакого шанса, что его голос услышит

сторож. Обратная сторона стены оставалась глухой, окна в ней отсутствовали, складская дверь наверняка была закрыта на крепкий запор ввиду вечернего расписания. А сам охранник, скорее всего, пребывал где-то в глубине помещений, а возможно, расположившись в тепле и не ведая о происходящей трагедии, попивал за столом чай с пряниками.

Но как в таком случае ребенок оказался один на улице? Загадка...

Что делать в этой ситуации, Степан Григорьевич совершенно не знал. Он даже приостановился, стараясь обдумать ситуацию и отыскать наиболее правильное решение. Однако голова работала прескверно: мысли путались, обрывались, не желали складываться в единую картину (надо бы, конечно, прекращать с этими вечерними посиделками, да и здоровье уже не такое, как в молодости)...

Ситуация могла выглядеть и по-другому: возможно, что ребенка забыли в помещении склада и он остался один-одинешенек? А что, если сторож склада, взявший с собой ребенка на дежурство, вдруг в одночасье помер и дите осталось внутри рядом с трупом? Тут и взрослый бы запаниковал, а что в таком случае говорить о малыше. И вообще: когда дети плачут — это всегда скверно. Значит, происходит (или произошло) нечто весьма ужас-

ное. Надлежало что-то предпринять. Но вот что?

Идти разыскивать ребенка во дворе? Но где его в темноте отыщешь? Тут сам можешь потеряться! А потом что делать с дитем, если все-таки его найдешь? Ну, предположим, нашел, укутал беднягу, а дальше как поступить?

Если стучать в двери склада, так могут и не открыть. У них свое расписание. Еще и подстрелить могут откуда-нибудь из-за угла. Нынешнее время, оно такое... И будут правы!

Какое-то время Степан Григорьевич еще думал, как поступить. Затем развернулся и потопал к отделению милиции, благо что находилось оно недалеко. Прошагав сотню метров, подумал о том, что сейчас его почему-то вбок не заносило. Очевидно, решение добровольно посетить отделение милиции мобилизовало его силы...

Когда Милютин открыл дверь отделения, то едва не столкнулся с сержантом милиции, пыхнув на него стойким водочным духом. Тот невольно остановился, преграждая дорогу Милютину, спросил:

— А вы, гражданин, по какой такой надобности к нам явились? Да еще так крепко выпивши? Сдаваться, что ли, пришли? Если так, тогда милости просим! У нас как раз час назад обезьянник освобожден.

— Там ребенок... — выпалил Степан Григорьевич, указывая рукой в сторону улицы.

— Там тоже ребенок, — указал сержант в противоположную сторону. — И что с того? Сам видел, в «царь горы» играют! Детей там много. Идите отсюда, гражданин. Иначе щас заберем вас, и будете у нас до утра куковать, покуда не протрезвеете.

— Да там дите ревет, надрывается, мочи нет это слышать. Я оттуда только что вернулся, не мог дальше идти. Может статься, что над ним измывается кто-то нехороший. А может, потерялся малыш. Уж больно горько плачет, вы бы выяснили, товарищ милиционер, — добавил Степан Григорьевич, изо всех сил стараясь казаться трезвым.

Ситуация и в самом деле складывалась не лучшим образом для Степана Григорьевича: вломился в отделение милиции, пребывая в крепком подпитии, и что-то там стал требовать. Это равносильно тому, как если бы разбить стеклянную витрину в дорогом магазине и стоять рядышком, покуривая, дожидаясь, когда тебя заберет наряд милиции. И то и другое несусветная глупость!

Сержант во все глаза смотрел на Милютину, готовый схватить его за шиворот, вывести из отделения и сильным пинком спровадить в заснеженную даль. И тут Степан Григорьевич

услышал из комнатки за деревянным барьером звонкий голос с начальническими нотками:

— Где это, гражданин?

— Около склада ОРСа.

— Ладно, Паша. Сходи с ним. Глянь, что там за ребенок плачет. Если наврал чего — тащи его обратно. Оформим за хулиганку... Уроком на будущее ему будет.

Сержант недобро глянул (наверняка на вечер у него были другие планы) на неожиданного вечернего гостя, с каждым выдохом источающего тяжелое амбре, и произнес:

— Пошли. Но коли наврал что — смотри... Тебя предупредили! И без тебя сейчас проблем выше крыши!

Оба пошли по направлению к складу ОРСа, над трубой которого висела полоска черного дыма.

Под ногами мужчин хрустел свежеснеживший снежок. Милютин, пряча лицо от порывов студеного ветра, шел торопливо, немного впереди, словно куда-то опаздывал. Позади, мысленно его проклиная на все лады, шел сержант милиции Паша — газетку в дежурке было читать куда приятнее, нежели брести куда-то в поздний вечер. Если бы не хруст снега, было бы абсолютно тихо. Как бывает в самом начале зимы, когда воздух становится сырым и тяжелым.

Когда подошли к складу, слышали детский плач.

— Ну, а я что говорил? — победно глянул на сержанта Милютин. Он чувствовал себя если не героем, то уж точно человеком, выполнившим сложное и ответственное задание.

Сержант Паша молча посмотрел на выпившего мужчину, хотел, верно, что-то ответить, но сдержался.

Подошли поближе. Пытаясь понять, откуда именно доносятся рыдания.

— Похоже, что внутри складского помещения плачет, — предположил сержант.

Они обошли одноэтажное складское строение и подошли к входным дверям. Одна створка дверей была приоткрыта. Паша, нахмутив брови, глянул на оробевшего Милютину, отстранил его рукой вбок и, достав из кобуры пистолет, бочком протиснулся в дверной проем, хотя можно было попросту открыть дверь пошире.

Коридор, начинающийся от самых дверей, был пуст. Плач ребенка доносился откуда-то из самого конца коридора. Когда сержант осторожно прошел до конца коридора и заглянул в открытую дверь, откуда и доносился плач, то увидел белокурую женщину лет тридцати, одетую в синий служебный халат, лежащую на топчане. Ее остекленевшие

глаза смотрели куда-то вбок и вверх. Рядом с ней, у ее изголовья, стояла девочка лет шести, одетая в серое демисезонное пальтишко, на голове вязаная синяя шапочка, и горько рыдала. Кажется, она осознала произошедшую трагедию, но принять случившееся не могла.

Сержант милиции неодобрительно покачал головой, явно сочувствуя ребенку, а потом подошел к топчану и посмотрел на тело женщины. На тонкой посиневшей шее виднелись явные следы удушения. Ни изнасилования, ни избиения, похоже, не было. Нагоня жути, где-то совсем рядом завибрировала проснувшаяся в тепле муха.

Присев на корточки, Павел приобнял девочку за худенькие плечики и ласково произнес:

— Я дядя милиционер... Пойдем со мной, малышка.

Выражение его лица было уже иным, нежели когда он только ступил в коридор. По его лицу было заметно, что, несмотря на свои молодые годы, он успел многое повидать, однако сопереживать чужому горю не разучился.

— А мама? — доверчиво посмотрела на него девочка.

— Мама сильно заболела, — не нашелся более ничего сказать сержант милиции. —

Мы вызовем для нее врачей, и они отвезут ее в больницу.

— Зачем? — спросила девочка и всхлинула. — Вы меня обманываете... Они же не смогут ее вылечить. Я уже не маленькая и знаю, что мамы больше нет. Она ведь умерла, верно? — снова посмотрела на милиционера девочка.

Сержант промолчал. Он не представлял, что следует отвечать в подобных случаях и надо ли говорить вообще. Он просто взял девочку за руку и вывел из каморки с топчаном и неподвижно лежащей на нем белокурой женщиной. В коридоре их поджидал Степан Григорьевич.

— Ну что там? — тревожно поинтересовался он.

— Ничего, — ответил сержант Паша, не посчитав нужным докладывать нетрезвому гражданину о трупe, и в свою очередь поинтересовался: — Как вас зовут?

— Милютин Степан Григорьевич, — последовал ответ.

— Вы можете постоять у входа на склад, пока я не вернусь со своими товарищами? — попросил сержант уже с нотками уважения. — Если кто-то объявится, никого не пускать!

— Конечно, — ответил уже начавший потихоньку трезветь Степан Григорьевич. — А на вас я могу сослаться? Ну, ежели кто-нибудь все же захочет пройти на склад?

ОСОБАЯ ПРИМЕТА

Можете, — утвердительно произнес милиционер. — Так и говорите: сержант Павел Удмуртов из тридцать пятого отделения милиции не велел никого пускать. Да я недолго...

Где-то далеко, через дорогу, танцевали всполохи огня. В действительности это был не костер, а догорали остатки дня.

ГЛАВА 2

НЕ НУЖНО ЛОХМАТИТЬ БАБУШКУ!

Отделы рабочего снабжения появились в городе вследствие выхода в свет Постановления Центрального комитета ВКП (б) и Совета Народных Комиссаров СССР, принятого официально 4 декабря 1932 года. Теперь права у заводских управлений в деле снабжения рабочих питанием, продуктами, одеждой, предметами первой необходимости значительно расширились. Заводоуправления многих крупных и средних промышленных предприятий, в том числе и «Завод № 16», выпускающий двигатели для самолетов, организовали такие отделы снабжения, первым и главным делом которых было обеспечение рабочих и служащих предприятия горячим питанием, рабочей одеждой, мылом, спичками и прочим товаром, без чего было трудно обойтись. А то и вовсе невозможно!

В годы войны именно ОРСы обеспечивали бесперебойное питание рабочих в дневные и ночные смены. Помимо обеспечения отделов рабочего снабжения из государственных фондов продукты питания поступали также из подсобных хозяйств, умножившихся в годы войны многократно. Это были свинофермы, птичники, рыбные хозяйства, сады и огороды. После войны в условиях карточной системы ОРСы оставались главным подспорьем для рабочих и служащих тяжелой и машиностроительной отраслей и рабочих строительной отрасли. Именно отделы рабочего снабжения во многом помогали выживать огромным массам населения страны и большей части жителей Казани. Шутка ли: на базаре или рынке стоимость буханки хлеба практически равнялась или была чуть меньше месячной зарплаты рабочего машиностроительного предприятия. А на то, что можно было отоварить (естественно, за деньги) по карточкам, прокормить семью с несколькими детьми было очень проблематично...

После отмены карточной системы на продукты питания и промышленные товары и по завершении проведения денежной реформы в конце 1947 года базарные цены на продукты питания и прочие товары народного потребления были более или менее приведены в со-